

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК (811.161.3+811.111)'42

Дата поступления: 22.08.2023
рецензирования: 24.09.2023
принятия: 25.11.2023

Участие референциальных механизмов субъектных номинаций в реализации категории достоверности в англо- и белорусскоязычном медиадискурсе

И.М. Басовец

Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: basovets@list.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2142-7233>

Аннотация: Проблема достоверности информации в разных медиакультурах с учетом соотношения объективного и субъективного, точного и приблизительного при освещении событий представляется актуальной не только с лингвистических позиций, но и является существенной для каждого современного потребителя сведений. Данная статья посвящена установлению корреляций между референциальными механизмами субъектных номинаций, кодирующих источники информации, и параметрами достоверности сообщаемого в англо- и белорусскоязычных медиатекстах разных жанров. В ходе исследования использовались методы анализа, сопоставления и классификации; методы контекстуального, семантического и лингвопрагматического анализа. Установлено, что в обеих медиакультурах референциальные характеристики субъектов оказывают непосредственное влияние на достоверность сообщения по параметру точности / неточности языковой номинации источников информации: употребление референтного субъекта способствует повышению достоверности сообщаемого; нереперентный субъект, как правило, снижает достоверность и в ограниченных случаях не меняет ее показатели. Показано, что референтные субъекты, которые являются авторитетами, участвуют в реализации фактической и коммуникативной достоверности; нереперентные субъекты в качестве псевдоавторитетов способствуют сохранению коммуникативной достоверности и не обеспечивают ни одну из разновидностей достоверности, если являются источниками с неизвестной репутацией. Выявлено, что в обеих медиакультурах учет параметра объективности / субъективности в современной англо- и белорусскоязычной прессе при подаче сведений обнаруживает тематическо-жанровую детерминацию, отсутствие простых корреляций «одностороннее отражение – субъективность», «многостороннее освещение – объективность», взаимопроникновение объективности и субъективности с учетом критерия полисубъектности. Показано, что объективный характер информирования возможен при освещении события в сбалансированном виде: без дискурсивного перевеса в пользу одной из сторон и без оценочных комментариев со стороны журналиста-повествователя.

Ключевые слова: фактическая и коммуникативная достоверность; (не)референтный субъект; деавторизация; объективность и субъективность информирования.

Цитирование. Басовец И.М. Участие референциальных механизмов субъектных номинаций в реализации категории достоверности в англо- и белорусскоязычном медиадискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 4. С. 129–140. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-129-140>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Басовец И.М., 2023

Ирина Михайловна Басовец – докторант кафедры общего языкознания, Минский государственный лингвистический университет, 220034, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, 21.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.08.2023
Revised: 24.09.2023
Accepted: 25.11.2023

Participation of referential mechanisms of subject nominations in the implementation of reliability in English and Belarusian media texts

I.M. Basovets

Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: basovets@list.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2142-7233>

Abstract: Taking into account the proportion of objective and subjective, accurate and approximate in reporting of events, the problem of information reliability in different media cultures, is relevant not only from the linguistic point of view, but also proves to be essential for every modern consumer of information. This article is devoted to establishing correlations between the referential mechanisms of subject nominations that encode sources of information and parameters of the reliability of what is reported in English and Belarusian media texts of various genres. The research is based on the methods of analysis, comparison and classification; methods of contextual, semantic and linguo-pragmatic analysis.

It has been established that in both media cultures, the referential characteristics of subjects have a direct impact on the reliability of the message in terms of the accuracy / inaccuracy parameter of the language nomination of information sources: the use of a referential subject contributes to an increase in the reliability of the reported data; a non-referential subject, as a rule, reduces the reliability and in limited cases does not change its indicators. It is shown that referential subjects, which are cognitive authorities, participate in the implementation of factual and communicative reliability; non-referential subjects as pseudo-cognitive authorities contribute to the preservation of communicative reliability only and do not provide any of the reliability types if they are sources with an unknown reputation. Taking into account the parameter of objectivity / subjectivity in the modern English and Belarusian press, it was revealed that in both media cultures submitting information exhibits a thematic-genre determination, the absence of simple correlations 'one-sided reporting – subjectivity', 'multisided reporting – objectivity', the interpenetration of objectivity and subjectivity depending on multiple subjects. It is shown that the objective reporting is possible when the event is covered in a balanced way: without a discourse overweight in favor of one of the parties and without evaluative comments from the journalist-narrator.

Key words: reliability; credibility; (non)referential subject; deauthorization; objectivity and subjectivity of reporting.

Citation. Basovets I.M. Participation of referential mechanisms of subject nominations in the implementation of reliability in English and Belarusian media texts. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 4, pp. 129–140. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-129-140>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Basovets I.M., 2023

Irina M. Basovets – Doctoral student of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University, 21, Zakharova Street, Minsk, 220034, Russian Federation.

Введение

Фрагментация информационного ландшафта, индивидуализация и эмоциональность многих публичных дискуссий как симптомы **проблемы** достоверности и причины снижения доверия к получаемой информации в современном обществе влекут за собой читательскую тенденцию подвергать сомнению факты, журналистскую честность и надежность источников информации, включая экспертов [Gibson, Jacobson 2018, p. 191]. Действенным ответом на нынешний информационный кризис является медийная и информационная грамотность, проверка фактов, подкрепленных источниками и доказательствами [Haider, Sundin 2022, p. 37], позволяющими определить достоверность сообщаемой информации, что представляется **актуальной** задачей для каждого современного потребителя сведений.

Достоверность сообщаемой информации в медиаполе все больше привлекает внимание специалистов разных дисциплин, поскольку связана с широчайшим диапазоном проблем: от точности / приближенности языковой номинации до объективности / субъективности сообщаемого. Целостное и системное исследование достоверности как коммуникативной категории представлено в работе Н.Н. Панченко, в которой автор говорит о том, что достоверность представляет собой информативно-квалификативную категорию оппозитивного типа, носящую градуируемый характер: с одной стороны, специфика градуируемости достоверности в различных типах дискурса обусловлена вариативностью реализующих ее субкатегорий информативности, точности и объективности [Панченко 2010, с. 16]; с другой стороны, шкалируемость достоверности определяется триединым слиянием прагматических факторов: искренности адресанта, истинности сообщаемого и доверия адресата [Панченко 2010, с. 273–276]. Схожее видение достоверности в зависимости от разных

факторов обнаруживается в работе М.Ю. Папченко [Папченко 2022, с. 64–65], которая разграничивает фактическую и коммуникативную достоверность: *фактическая достоверность* соотносится с достоверностью сообщаемых сведений, является в том числе правовым термином и применяется для описания ситуаций, когда фактическая информация в сообщении *соответствует действительности и поддается верификации* (в английском языке ей соответствует термин *reliability* 'надежность' [Gibson, Jacobson 2018, p. 184]); *коммуникативная достоверность* является показателем того, что автору удалось представить мнение (оценку) в виде факта объективной действительности, который читатель квалифицирует как заслуживающий доверия без проверки (в английском языке ей соответствуют термины *trust* 'доверие' и *credibility* 'правдоподобность' [Gibson, Jacobson 2018, p. 184]).

Разграничение достоверности на фактическую и коммуникативную исходит из способов передачи информации в тексте в виде: а) *факта*, под которым понимается верифицируемая информация о действительности, отображающая события, процессы, ситуации, поступки и действия, и б) *мнения*, т. е. неверифицируемого субъективного образа ситуации, картины мира в сознании автора. Когда реципиенты начинают доверять средствам массовой информации, их квалификация коммуникативной достоверности основывается на следующих четырех аспектах: «доверие к выборочности тем» (получатели верят, что средства массовой информации сосредоточатся на тех темах и событиях, которые имеют к ним отношение); «доверие к избирательности фактов» (способ контекстуализации события, который касается выбора фактов или справочной информации, относящейся к выбранной теме); «доверие к точности изображений» (включает доверие к подающейся проверке точности изображаемых фактов); «доверие к журналистской оценке» (получатели разделяют явно подчеркнутые авторские оценки, коммента-

рии, советы и призывы к действию) [Kohring 2007, p. 239–240]. Немаловажную роль в выстраивании доверия играют используемые в медиатекстах источники информации, и если «в повседневной жизни определенное доверие к людям, институтам, текстам и т. д. неизбежно» [Haider, Sundin 2022, p. 30], то умение распознать характеристики источников информации лежит в основе «медийной и информационной грамотности, которая понимается как индивидуальная ответственность каждого» [Haider, Sundin 2022, p. 30].

Итак, фактическая достоверность зависит от: а) *надежности* источника информации и б) выбора слов для языкового оформления сообщения с учетом связанных между собой категорий *объективности* и *субъективности* изложения. Надежность источника обеспечивается его опытом в новостном сообществе, рейтингами отзывов и обзоров, экспертностью в определенной сфере; объективность изложения предполагает рациональность, общее качество языка в медиатексте, отсутствие эмоций и предвзятости автора [Mukherjee 2015, p. 353]. К языковым маркерам, понижающим достоверность сообщаемого, относятся: 1) аппроксиматоры, квалификаторы неопределенности, лексические средства с расплывчатой семантикой, привносящие в сообщение семантику неточности; 2) слова, выражающие мнимость, кажимость; 3) эмотивно-окрашенная лексика, апеллирующая к эмоциональной сфере адресата; 4) лексические средства, работающие на понижение доверия к печатному изданию [Панченко 2010, с. 38].

Если достоверность медиатекста реализуется на фактическом уровне и относится к представлению беспристрастного, информативного, рационального повествования о событии с привлечением надежных источников информации, обладающих экспертностью, опытом и/или рейтингом надежности, то реализуется как фактическая, так и коммуникативная достоверность медиатекста, поскольку благодаря фактической составляющей продуцируется медиатекст, «эквивалентный тексту документальному» [Дзюбенко 2023], «содержанию которого можно доверять» и который «соотносится с действительностью» [Негрышев 2021]. Вопросы соотношения текста с действительностью находятся в поле зрения теории референции, а из всех направлений и подходов в русле данной теории непосредственное отношение к исследуемой нами проблеме имеют те, которые касаются участия референциальных механизмов субъектных номинаций в реализации категории достоверности в современных медиатекстах на английском и белорусском языках.

Целью данной статьи является установление корреляций между референциальными механизмами субъектных номинаций, кодирующих источники информации, и параметрами достоверности сообщаемого в англо- и белорусскоязычных медиатекстах разных жанров.

В ходе исследования решались следующие **задачи**: 1) выявление языковых единиц, кодирующих авторитетов и ненадежных источников с неизвестной репутацией в сопоставляемых медиакультурах; 2) определение прагматических эффектов от использования разнореферентных субъектных номинаций; 3) установление степени влияния точности субъектного кодирования и объективности информирования как параметров достоверности в анализируемых медиатекстах.

Материалом данной статьи послужили письменные медиатексты на английском и белорусском различных жанров: информационного (новостная статья и экспертное интервью), аналитического (аналитическая статья, комментарий) и художественно-публицистического (эссе).

На разных этапах исследования использовались **методы** анализа, сопоставления и классификации ссылочных конструкций, содержащих указание на субъект – источник информации; метод контекстуального анализа при рассмотрении функционирования субъектных номинаций с разными референциальными характеристиками в медиатекстах на английском и белорусском языках; метод семантического и лингвопрагматического анализа в ходе фиксации коммуникативных эффектов и особенностей материала исследования в сопоставляемых медиакультурах.

Основная часть

Среди основных измерительно-оценочных критериев в отношении **надежности источника** сведений в лингвистике выделяют *точность языковой номинации* [Панченко 2010, с. 38]; *экспертность* и *непредвзятость*: экспертность относится к тому, «насколько хорошо информирован и умен» [Kohring 2007, p. 233] коммуникатор; непредвзятость¹ детерминируется беспристрастностью [Kohring 2007, p. 233]. Поскольку люди не обладают неограниченными когнитивными способностями и не могут обрабатывать все аспекты всех получаемых ими сообщений, они выбирают только некоторые важные функции для кодирования, хранения, извлечения информации и оценки ее достоверности, одной из которых является функция экспертности источника, особенно в условиях таких ограничений, как нехватка времени [Flanagan 2018]. Требованию экспертности соответствуют «авторитеты» (cognitive authority) ввиду их компетентности, которые ценятся не только за их запас знаний (ответы на закрытые вопросы), но и за их мнения (ответы на открытые вопросы), поэтому информация, подаваемая от имени таких авторитетов, считается правдоподобной, убедительной, заслуживающей доверия [Savollainen 2021, p. 3].

¹ Непредвзятость источника информации как самостоятельного измерителя достоверности нами не рассматривается в связи с тем, что мы исходим из искренности и независимой позиции надежного источника, который отличается профессионализмом и беспристрастностью.

В разных жанрах обеих сопоставляемых медиакультур обнаруживаются схожие номинации для языкового кодирования авторитетов в составе субъектно-предикатных и предложно-падежных конструкций при помощи полных именных групп и редуцированных выражений с использованием анафорических местоимений при повторном упоминании. Анализ материала показал, что субъектные номинации авторитетов распределяются и чередуются по всему тексту, представляя собой особую технику его построения, в жанрах новостной и аналитической статьи, комментария и демонстрируют принадлежность к следующим группам:

а) эксперты, профессионалы, специалисты в определенной сфере деятельности (*says Michael Song, an economist at the Chinese University of Hong Kong* ‘говорит Майкл Сонг, экономист Китайского университета Гонконга’; *argues Arthur Kroeber, founder of Dragonomics, a China-focused research firm* ‘утверждает Артур Кребер, основатель ориентированной на Китай исследовательской фирмы Dragonomics’; *the HSBC strategist Max Kettner warns* ‘предупреждает стратег компании HSBC Макс Кеттнер’; *Jagjit Chadha, director of the institute, Britain’s oldest independent economics think tank, said* ‘Джагджит Чадха, директор института, старейшего в Великобритании независимого экономического аналитического центра, сказал’; *специаліст на кібербезпеці, сузаснавальнік Інститута дослідження машинного інтелекту Еліезер Юдкоўскі мяркуе; адзін з галоўных ІТ-экспертаў сучаснасці наведміла; амерыканскі прадпрымальнік і мільярдэр Ілан Маск зазначыў; заснавальнік Microsoft Біл Гейтс заўважыў*);

б) ученые, исследователи (*Marion Nestle, a professor of nutrition at New York University, criticised* ‘Марион Нестле, профессор диетологии Нью-Йоркского университета, раскритиковала’; *Professor David Blackburn of the University of Aberdeen says* ‘говорит профессор Дэвид Блэкторн из Абердинского университета’; *according to government scientists at the American government’s Agricultural Research Service* ‘согласно государственным ученым из Службы сельскохозяйственных исследований правительства США’; *researchers at the National Institutes of Health in America warned* ‘исследователи из Национального института здоровья в Америке предупредили’; *Dr Simon Cork, senior lecturer in physiology at Anglia Ruskin University, said* ‘Доктор Саймон Корк, старший преподаватель физиологии Университета Англии Раскин, сказал’; *навуковец кантатаваў; аўтары даследаванняў у галіне штучнага інтэлекту сцвярджаюць; дацэнт Універсітэта Канектыкута Шыры Доры-Хакээн заявіла; распавяла афрыканіст, кандыдат палітычных навук, дацэнт факультэта сувеснай палітыкі МДУ Наталля Піскунова; многія вядомыя заходнія вучоныя лічаць*);

в) должностные лица органов управления страны, лидеры государств (*Turkey’s president, Recep*

Tayyip Erdogan, has promised ‘Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган пообещал’; *Boris Johnson, prime minister, said* ‘Борис Джонсон, премьер-министр, сказал’; *прэзідэнт Кеніі Уільям Руто заявіў; міністр юстыцыі Эрык Дзюпон-Марэці напярэдзіў; прэм’ер-міністр Малайзіі Анвар Ібрагім заявіў*);

г) официальные представители служб, организаций (*the Home Office spokesperson said* ‘сообщил представитель министерства внутренних дел’; *Jen Psaki, the White House press secretary, said* ‘пресс-секретарь Белого дома Джен Псаки заявила’; *адзначыла афіцыйны прадстаўнік МЗС РФ Марыя Захарова; заявіла прэс-сакратар упраўлення ААН па правах чалавека Равіна Шамдасані*);

д) экспертные организации (*the National Institute of Economic and Social Research said* ‘Национальный институт экономических и социальных исследований сообщил’; *The Centre for Security and Emerging Technology estimates* ‘Центр безопасности и новых технологий оценивает’; *according to SEMI, an industry research group* ‘по данным SEMI, отраслевой исследовательской группы’; *наводле даных ААН; наведміла Упраўленне ААН па каардынацыі гуманітарных пытанняў; зыходзячы са звестак Нацыянальнага банка*);

е) информационные агентства, СМИ (*according to CNN* ‘согласно CNN’; *Fox News has argued* ‘телеканал Fox News утверждает’; *the RIA Novosti news agency reported* ‘сообщает новостное агентство РИА Новости’; *наведміла ТАСС; наводле даных агенцтва Reuters; наведміла The Guardian; перадае «Жэньмьнь жыбаа» анлайн*).

Информация, которая подается от имени авторитетов, «в значительной степени обуславливает доверительный характер восприятия получателем» [Папченко 2022, с. 64–65], несмотря на то что содержит не только факты или результаты научных исследований, но и мнения, прогнозы, оценки в отношении определенного вопроса. В качестве примера приведем прогноз специалиста в отношении банковских процентных ставок и оценку эксперта действиям администрации США при проведении фискальной политики: **David Morris, chief commercial officer at Yorkshire Building Society, told The Times on Wednesday**: «...I think you will see that flow into pricing over the next two to three weeks, as it’s in lenders’ interests to offer cheaper rates» ‘Дэвид Моррис, коммерческий директор Йоркширского строительного общества, сказал The Times в среду: «... Я думаю, вы увидите, как это отразится на ценообразовании в течение следующих двух-трех недель, поскольку в интересах кредиторов предлагать более низкие ставки»’ (The Times, July 20, 2023); «Адміністрацыя Байдэна дапусціла памылку, выкарыстоўваючы як зброю долар ЗША і глабальную плацежную сістэму», – заявіў у канцы мінулага года **інвестыцыйны стратэгі і прэзідэнт Millennium Wave Advisors Джон Молдзін** (Звезда, 23.04.2023). Цитирование

мнений авторитетов в обеих медиакультурах выполняет ряд важных задач одновременно: 1) информирование о некотором положении дел с профессиональной точки зрения; 2) в случае точного цитирования (без интерпретационного компонента со стороны журналиста или вкрапления слов, вырванных из контекста) повышение достоверности сообщаемого, так как «чем точнее приводятся цитаты, тем большую степень достоверности обретает текст» [Баташева 2020, с. 34]; 3) использование в качестве «делиберативного инструмента, поскольку цитаты являются средством формирования мнений читателей» [Hall 2012, p. 32–33].

Отличительной современной чертой, позволяющей определить достоверность сообщаемого от имени авторитета, является наличие цифровых инструментов верификации: а) публичных заявлений должностного лица или официального представителя, выступающего в качестве авторитета, б) точности цитирования слов эксперта в медиатексте. При этом заявления от имени авторитета для оглашения позиции по некоторому вопросу могут производиться без привлечения традиционных СМИ на онлайн-ресурсах, на материалы которых впоследствии могут ссылаться журналисты при помощи конструкций типа *Elon Musk tweeted* ‘Илон Маск написал в Твиттере’; *in a Facebook post on Monday, Manickchand said* ‘в сообщении на Facebook в понедельник Маникчанд сказал’; *on her YouTube video page she added* ‘на своей видео странице на YouTube она добавила’; *the chairman says on Twitter* ‘председатель говорит в Twitter’; *наведаміў на сваёй старонцы ў Твітэры міністр Нацыянальнай абароны Польшчы Марыюш Блашчак; наведанні ў Твітэры Барэнд Лейтс, афіцыйны прадстаўнік старшыні Эўрапейскай рады Шарля Мішэля* и т. п., например: **Ron DeSantis, the governor of Florida, did the critical-race theorists proud by attacking the interlocking power structures oppressing Mr Trump: «Washington DC is a ‘swamp’ and it is unfair to have to stand trial before a jury that is reflective of the swamp mentality»**, **he wrote on Twitter** ‘Рон ДеСантис, губернатор Флориды, вызвал гордость у критически настроенных теоретиков о взаимосвязанных структурах власти, подавляющих Трампа: «Вашингтон, округ Колумбия, – это «болото», и несправедливо предстать перед судом присяжных, отражающих болотный менталитет», – написал он в Twitter’ (The Economist, August 2, 2023); **Як ніша ў сваім тэлеграм-канале палітолаг-амерыканіст Малек Дудакоў, дэдаларызацыя дабралася і да Штатаў** (Звязда, 23.04.2023). Следует отметить, что наличие возможности верификации сказанного обеспечивается в обеих медиакультурах только в случае с референтными субъектами, выступающими в качестве авторитетов.

Использование в качестве авторитетов *нереферентных* субъектов в обеих медиакультурах обусловлено стилистическими и прагматическими причинами. Если употребление обобщенных или

неопределенных номинаций продиктовано *жанрово-стилистическими основаниями*, когда отсутствует необходимость / возможность точной языковой номинации субъекта (например, автор извлекает что-то из фоновых знаний и др.), то достоверность сообщаемого не меняется по критерию неточности кодирования. К примеру, в информационном жанре интервью на английском языке в речи интервьюируемого эксперта содержится ссылка на *нереферентный* источник сведений, который выражен существительным с неопределенным артиклем в значении ‘некий’: **A recent study suggests that it reduces sperm count and quality and carries another insidious effect...** ‘Недавнее исследование дает основание считать, что он снижает количество и качество сперматозоидов, а также имеет еще один коварный эффект...’ (The Economist, 16 August 2022). Схожее кодирование *нереферентного* источника обнаруживается в аналитической статье на белорусском языке: **Нядаўняе даследаванне паказала, што спажыванне гэтага дасягнення кулінарыі памяншае рызык інфаркту больш, чым у два разы** (Звязда, 03.08.2017).

По словам Н.Н. Панченко, «статус достоверности информации получают утверждения, сообщения, истинность которых установлена благодаря *верификации различными экспериментальными методами, подтверждена эмпирически и общественно-исторической практикой*» [Панченко 2010, с. 15]. Согласимся с исследователем и отметим, что, несмотря на то, что контекстуальные претенденты на конкретизацию субъектной позиции с целью идентификации «недавнего исследования» отсутствуют в анализируемых текстах, снижения уровня достоверности сообщаемой информации с учетом представленного квалификатора неопределенности по параметру точности номинации источника не происходит. Отсутствие сдвига достоверности в сторону понижения объясняется тем, что при определенных поисковых усилиях в более широком медианполе, выходящем за пределы анализируемых текстов, возможно идентифицировать упомянутые исследования. Следовательно, такая номинация источника не снижает достоверность сведений и мотивирована компрессионно-стилистическими причинами.

Ссылки на исследования и общественно-историческую практику используются не только в жанрах интервью и аналитической статье, но и в новостной статье и комментарии. Сравним: **History suggests that investors are right to expect central banks to come to their rescue eventually** ‘История показывает, что инвесторы правы, ожидая, что центральные банки рано или поздно придут им на помощь’ (The Times, August 23, 2022); **Практыка паказвае, што пры такім падыходзе вынік прымянення біржавога механізма не прымусіць сябе доўга чакаць** (Звязда, 08.08.2023).

В приведенных примерах достоверность информации подтверждается общественно-исторической практикой, что маркировано конструк-

циями *history suggests* ‘история показывает’ и *практика наказывает*, и, как и в случае с исследованиями, при дополнительных поисковых усилиях возможно найти информацию, подтверждающую поведение центробанков в кризисные периоды, и доказательства увеличения эффективности продажи товаров с применением биржевого торгового механизма.

В случае с *прагматически-детерминированным выбором* неопределенной или обобщенной языковой номинации источника сведений, происходит снижение достоверности в результате употребления нерелевантных эксплицитных или имплицитных субъектов в конструкциях деавторизации: *A source close to James Cleverly, the foreign secretary, said he hoped to visit the Falklands in the near future to underline the government's total support for the islands* ‘Источник, близкий к министру иностранных дел Джеймсу Клеверли, сказал, что он надеется посетить Фолкленды в ближайшем будущем, чтобы подчеркнуть полную поддержку островов правительством’ (The Times, July 20, 2023); *Some observers had thought Mr Xi would take China in the opposite direction* ‘Некоторые наблюдатели думали, что г-н Си поведет Китай в противоположном направлении’ (The Economist, February 23, 2019); *Rumours spread that, outside the city, construction was proceeding rapidly on multiple new so-called «study centres», each meant to house tens of thousands* ‘Поползли слухи, что за городом быстро идет строительство множества новых так называемых «учебных центров», каждый из которых рассчитан на десятки тысяч человек’ (The Guardian, August 1, 2023); *Як мяркують некторыя аналітыкі, мэта міжнароднай інтэрвенцыі ў Лівіі ў 2011 годзе складалася не толькі ў тым, каб зрынуць Кадафі, і нават не ў тым, каб усталяваць кантроль над нафтавымі рэсурсамі гэтай краіны, а ў тым, каб атрымаць доступ да найбагацейшых водных рэсурсаў Нубійскага гарызонту* (Звязда, 13.05.2023); *У маладзёжным асяроддзі Францыі тады палічылі, што варта вына парадку вінаватыя ў гібелі непаўналетніх, пасля чаго ў краіне ўспыхнулі акцыі пратэсту* (Звязда, 09.07.2023); *Тым часам стала вядома, што фактычны кіраўнік краіны генерал Абдэль-Фатах аль-Бурхан папярэдне ўхваліў план па падаўжэнні перамір’я, прапанаваны афрыканскім рэгіянальным аб’яднаннем IGAD (гандлёвы блок з васьмі краін Афрыкі, куды ўваходзіць і Судан)* (Звязда, 30.04.2023); *Бо «не тыя», на думку Захаду, узялі ўладу ў свае рукі* (Звязда, 06.08.2023).

Согласно Н.Н. Панченко, все показатели достоверности составляют целостную структурированную систему коммуникативно значимых средств, взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга, влияя на истинностную оценку высказывания, участвуют в формировании его иллюкативной силы и связаны с коммуникативным намерением говорящего: если показатель передает значение, находящееся в положительно шкалируемом диапазоне достоверности, то говорящий берет ответственность за сказанное с точки зрения

соответствия его содержания действительности; если же показатель достоверности располагается в ее отрицательно шкалируемом пространстве, то говорящий или снимает с себя ответственность за высказывание, и/или демонстрирует сомнение в достоверности произносимого [Панченко 2010, с. 20–21].

Из приведенных контекстов видно, что нерелевантные источники сведений снижают достоверность сообщаемого, поскольку кодируются языковыми средствами с неопределенной или расплывчатой семантикой, которые приносят в текст значение неточности. Любопытно, что, несмотря на параметр неточности, эффект коммуникативной достоверности присутствует в случае с вербально выраженными субъектами в конструкциях деавторизации типа *some observers had thought* ‘некоторые наблюдатели думали’; *як мяркують некторыя аналітыкі*. В подобного рода конструкциях используются типичные лексические единицы для номинации авторитетов из групп экспертов, специалистов, ученых, исследователей, должностных лиц, которые однако являются нерелевантными субъектами и получили в зарубежной лингвистике название «псевдоавторитеты» (pseudo-cognitive authority) [Froehlich 2018, p. 121]. Псевдоавторитеты кодируются единицами, которые не соотносятся с определенным субъектом, имеют нерелевантный статус и включают лексическую единицу со значением экспертности (*specialists* ‘специалисты’, *experts* ‘эксперты’, *analysts* ‘аналитики’, *researchers* ‘исследователи’, *scientists* ‘ученые’ / *спецыялісты, эксперты, вучоныя, навукоўцы, даследчыкі* и т. п.): 1) в автономном употреблении (*experts believe* ‘эксперты считают’; *на думку спецыялістаў*); 2) в сопровождении лимитирующего прилагательного, очерчивающего границы экспертности (*according to statements (claims) of economic experts* ‘по утверждениям (заявлениям) экспертов в области экономики’; *спецыялісты ў галіне штучнага інтэлекту лічаць*); 3) в сопровождении определенного набора языковых единиц. В качестве сопроводительного компонента могут выступать:

а) неопределенные местоимения *some* ‘некоторые’, *several* ‘несколько’ *one* ‘некий’ / *некторыя, асобныя*, а также в английском языке неопределенного артикля *a* (в значении ‘некий’) (*some scientists said* ‘некоторые ученые заявили’; *several economists reckon* ‘несколько экономистов считают’; *noted one Berlin-based observer of Franco-German relations* ‘отметил один наблюдатель франко-германских отношений в Берлине’; *a senior western diplomat agreed*: ‘один западный дипломат высокого ранга разделяет эту позицию’; *паводле меркавання некторых аналітыкаў; згодна з заявамі некторых аналітыкаў; асобныя заходнія палітыкі заклікаюць*);

б) слова с диффузной семантикой *multiple* ‘многочисленные’, *countless* ‘многочисленные’, *different* ‘разные’, *various* ‘различные’ / *шматлікія, розныя* (*different scholars assumed* ‘разные ученые

полагали»; *шматлікія эксперты казалі; як сведчаць самыя розныя крыніцы*);

в) собирательные единицы *a number of* 'ряд', *most of* 'большинство', *a score of* 'множество' / *шэраг, большасць (most of researchers argue* 'большинство исследователей утверждают'; *according to a number of medical experts* 'согласно ряду медицинских экспертов'; *большасць эканамістаў лічаць; на думку шэрага экспертаў*);

г) определительные местоимения со значением всеобщности, множественности *all* 'все', *many* 'многие' / *усе, многія (many observers believe* 'многие наблюдатели полагают'; *заходнія эканамісты ўсе як адзін адзначалі*).

Такие единицы (а–г), употребленные совместно с обобщенно-собирательными существительными со значением экспертности и не имеющие контекстуальных претендентов на идентификацию, не только не сужают круг потенциальных референтов, но и снижают ответственность автора за точность, полноту и достоверность передаваемых данных, при этом однако сохраняя «эффект весомости сообщаемого» [Gripsrud 2002, p. 164] в силу семантики языковой единицы, кодирующей псевдоавторитетов. Сравним: *Many experts believe that 2027 is more of a short-term milestone designed to maintain momentum towards the medium-term target of complete PLA modernisation by 2035... to build a «world class» fighting force by 2049, the centenary of Communist rule* 'Многие эксперты считают, что 2027 год является скорее краткосрочной вехой, призванной сохранить импульс для достижения среднесрочной цели полной модернизации Народно-освободительной армии Китая к 2035 году ... для создания боевой силы «мирового класса» к 2049 году, столетию коммунистического правления' (The Economist, May 8, 2023); *Эксперты лічаць, што інцыдэнт з забойствам падлетка стаў трыгерам для выказвання прэтэнзій да ўлады, якія даўно збіраліся, – людзі незадаволеныя неппулярнай пенсійнай рэформай, стаміліся ад эканамічнага крызісу, які цягнецца яшчэ з часоў пандэміі каранавіруса* (Звязда, 09.07.2023).

Употребление конструкций с псевдоавторитетами позволяет автору сообщения не столько информировать адресата, сколько воздействовать на него с целью убеждения в правильности излагаемой точки зрения путем придания весомости сообщаемому. Если в результате верификации передаваемых сведений оказалось, что сообщаемое соответствует действительности, фактическая достоверность сообщения все равно снижается по параметру неточности языковой номинации источника. Если в силу объективных причин верифицировать высказывание невозможно, то существует риск того, что от имени обобщенно-собирательной номинации транслируется недостоверная информация, что может «привести к циркулированию изначально не проверенных одних и тех же историй в различных средствах массовой информации или распространению фальшивых новостей, кульминацией чего может стать коллек-

тивный социальный самообман, представляющий собой диалогический процесс, в котором группа впитывает и закрепляет ложные убеждения, подкрепляемые ее элементами и коллективными результатами» [Froehlich 2018, p. 121].

Наблюдения за современным информационным пространством показывают, что исходная информация в медиаполе может подаваться из источников, которые не сохраняют даже видимости надежности. В результате «резкого роста создаваемого пользователями контента, когда люди с разным опытом несут ответственность за создание информационных онлайн-ресурсов, вызывая опасения по поводу достоверности» [Flanagin 2018], в СМИ происходит передача данных из источников с неизвестной репутацией. Примерами ссылок, содержащих источники с неизвестной репутацией, могут служить конструкции типа *nanісаў адзін з карыстальнікаў на сваёй старонцы ў Facebook; у сацсетках пішуць* и т. д.: *Somebody tweeted that he had spoken to Joe Biden...* 'Кто-то написал в Твиттере, что до этого он разговаривал с Джо Байденом' (The Times, November 11, 2020); *Among the rumours that have spread rapidly on social media are that Covid-19 originated in the US...* 'Среди слухов, которые быстро распространились в социальных сетях, есть тот, что Covid-19 возник в США...' (The Times, March 10, 2020); *Мужчын з Беларусі без ВНЖ або ПМЖ не прапускаюць на тэрыторыю Украіны і разгортваюць ў пунктах пропуску. Такую інфармацыю распаўсюджваюць у сацыяльных сетках самі беларусы. Карыстальнікі наведваюць, што выпадак далёка не адзінкавы. Больш за тое, у сацсетках пішуць, што беларусаў разгортваюць нават пры наяўнасці запрашэння і арыгінала працоўнай дамовы з украінскай кампаніяй* (Звязда 04.04.2021). Вследствие употребления нереперентных субъектных номинаций, кодирующих источники с неизвестной репутацией, достоверность передаваемой информации снижается вне зависимости от того, является или не является сама сообщаемая информация соответствующей действительности.

Еще одной субкатегорией достоверности является **объективность / субъективность**, которую мы рассматриваем применительно к: а) источникам, б) сообщаемым сведениям и в) одно- или многосторонности при освещении вопроса (сама же проблема соотношения объективного и субъективного гораздо шире и ставилась в ключевых направлениях философской мысли, психологических теориях, логике и сталкивается с трудностями разработки вопросов строения субъективной реальности и сложностью структуры объективной действительности [Асеев 2014, с. 16]). Если достоверность соотносится с объективным, рациональным, беспристрастным изложением, то использование журналистом *оценочных лексических единиц*, как правило, ведет к субъективности при подаче сведений и снижает достоверность сообщения. Анализ материала показал, что в обеих медиакультурах субъективность при кодировании

источников информации нехарактерна: для номинации источника используются преимущественно единицы, передающие объективную логико-предметную информацию, выполняющие функцию названия. Тем не менее в аналитических статьях и комментариях встречаются номинации, сопровождаемые субъективной квалификацией со стороны журналиста-повествователя, выбор которых зависит от коммуникативного намерения адресанта и которые характеризуют: а) сам источник (*toilet academics* ‘туалетные академики’ / «канавая» *эксперты*) или б) его речемыслительное действие (*a top Republican senator mistakenly declares* ‘высокопоставленный сенатор-республиканец ошибочно заявляет’; *з горыччу заўважае зн.иа*): **Puppet officials reported that it had been hit...** ‘Марионеточные чиновники сообщили, что она [система] была поражена...’ (The Economist, June 5, 2023); **Developers assume, mostly correctly, that they can sell what they build** ‘Разработчики предполагают, в основном правильно, что они могут продавать то, что строят’ (The Economist, February 23, 2019); **Американскі сенатар-рэспубліканец ад Фларыды Марка Рубіё з жахам заявіў, што Бразілія і Кітай ствараюць паралельную эканоміку, незалежную ад ЗША** (Звезда, 23.04.2023).

Более интенсивное и вариативное использование оценочных вкраплений от имени журналиста обнаруживается в пропозициях неверифицируемого характера, подаваемых от имени нереперентных субъектов, что ведет к субъективизации дискурса в результате «обдуманых речевых актов, в ходе которых газеты дают оценку мнениям / утверждениям экспертов или некоторых групп лиц, реализуя попытку взаимодействия с аудиторией и направление читательского восприятия» [Hall 2012, p. 32–33]: **That view turns out to have been flat wrong** ‘Эта точка зрения абсолютно неверной’ (The Economist, August 18, 2022); **Many economists also believe that corruption was, counter-intuitively, a lubricant...** ‘Многие экономисты также считают, что коррупция, вопреки здравому смыслу, оказалась смягчителем...’ (The Economist, February 23, 2019); **Многія эксперты прагназуюць, што ідэя адмовы ад амерыканскай валюты будзе прыцягваць прыхільнікаў** (Звезда, 23.04.2023); **Українскія рэфарматары лічылі, што «рынак усё сам адрэгулюе»**. **Вынік падобных ілюзій перасягнуў усе мажлівыя чаканні** (Звезда, 03.09.2020). Субъективизация дискурса, наступающая в результате авторских оценочных вкраплений, снижает досто-

верность сообщения, поскольку верифицировать подобные высказывания не представляется возможным из-за их оценочного, прогностического или интерпретирующего характера.

Субъективность современных медиатекстов заключается не только в эксплицитной характеристике источника, речемыслительного действия или самой пропозиции, но и в «своеобразной односторонности отражения отдельных областей действительности» [Асеев 2014, с. 17]. По нашим наблюдениям, в современном англо- и белорусскоязычном медиадискурсе фиксируется одно-, двух- и многосторонняя подача сведений. Так, *одностороннее освещение определенного новостного события* встречается, к примеру, в новостных заметках и статьях, если на протяжении всего текста журналист передает высказывания субъекта новостного повода в форме полного, островного цитирования и косвенной речи; субъект при этом является определенным в референциальном отношении. Например, в статье *MI6 boss urges Russians to defect and spy for Britain* ‘Босс МИ-6 призывает россиян перейти на сторону противника и шпионить в пользу Великобритании’ (The Times, July 19, 2023) источником информации является г-н Ричард Мур, высказывания которого стали предметом новостного сообщения и маркируются в нем четырнадцатью конструкциями авторизации, построенными по единой логико-структурной формуле «Мур сказал» с вариативностью номинации и позиции субъектно-предикатных компонентов в целях стилистического разнообразия. Сравним: *Sir Richard Moore, the head of the Secret Intelligence Service, who is codenamed C, said* ‘Сэр Ричард Мур, глава Секретной разведывательной службы под кодовым именем С, сказал’; *says Sir Richard Moore* ‘говорит сэр Ричард Мур’; *Sir Richard Moore told* ‘Сэр Ричард Мур сказал’; *the head of MI6 has called* ‘глава МИ-6 назвал’; *Moore added* ‘Мур добавил’; *he said* ‘он сказал’; *Moore stated* ‘Мур заявил’; *he emphasized* ‘он подчеркнул’; *he noted* ‘он отметил’; *he urged* ‘он призвал’; *he insisted* ‘он настаивал’; *Moore also said* ‘Мур также сказал’; *he said* ‘он сказал’; *Moore said* ‘Мур сказал’. При таком повествовании журналист объективно транслирует сказанное субъектом новостного повода, в то время как высказывания самого субъекта отличаются субъективностью, которая маркируется в том числе такими языковыми средствами, как глаголы мнения и чувств, оценочные единицы. Представим вышесказанное в виде рисунка 1.

Рисунок 1 – Обусловленность достоверности текста объективностью / субъективностью повествования с учетом типов повествующих субъектов (S)

Figure 1 – Dependence of the reliability of the text on the objectivity / subjectivity of the narration, taking into account the types of narrating subjects (S)

На примере новостной статьи о снижении темпа инфляции в Великобритании *UK inflation rate slows to 7.9 % in June* 'Инфляция в Великобритании замедлилась до 7,9 % в июне' (The Times, 19.07.2023) продемонстрируем *двустороннее освещение новостного события* с позиций: 1) управления национальной статистики (*figures from the Office for National Statistics show* 'показывают данные Управления национальной статистики'; *the ONS said* 'УНС заявило'; *Grant Fitzner, chief economist of the ONS, said* 'Грант Фитцнер, главный экономист УНС, сказал'; *with the ONS saying* 'по словам УНС') и 2) экономических экспертов (*Samuel Tombs, chief UK economist at Pantheon Macroeconomics, said* 'Сэмюэл Томбс, главный экономист Pantheon Macroeconomics в Великобритании, сказал'; *Yael Selfin, chief economist at KPMG, warned* 'Яэль Селфин, главный экономист KPMG, предупредила'). Информация, сообщенная в докладе статистического органа, предстает объективной и достоверной, подкрепленной экономическими показателями и расчетными данными. Высказывания экономистов, содержащие их экспертные мнения и прогнозы относительно повышения или замораживания ставок по кредитам и иных вопросов, носят субъективно-объективный характер, поскольку происходит наложение субъективной составляющей в оценке и прогнозах на экспертное мнение с опорой на знания и опыт.

Многостороннее отражение события наблюдается, как правило, в аналитической статье, когда в тексте эксплицированы позиции субъектов, условно соотносимых с тремя группами: «сторонники», «противники», «третьи лица». Примером многосторонней подачи сведений может служить аналитическая статья на белорусском языке «Кіпеж у кіпах. Чаму Ізраіль накрыла «цунамі» пратэстаў?» (Звезда, 19.03.2023). В статье достаточно сбалансированно, без перевесов в чью-либо сторону представлены позиции «прыхільнікаў перамен і іх сапернікаў» (что эксплицитно маркировано в тексте: *Ізраільскае грамадства расколатае прыкладна напалову на прыхільнікаў перамен і іх сапернікаў*) с упоминанием ярких представителей противоположных подходов: действующего премьер-министра и лидера оппозиции (что неоднократно подчеркивается в тексте, например: *Пакуль прэм'ер і лідар апазіцыі лаюцца ў сацсетках, што не гатовы адыходзіць ад сваіх намераў...*). Сбалансированное освещение контрастных позиций предоставляет адресату определенную интерпретационную свободу, «предоставляя читателям возможность выбрать лучший аргумент» [Hall 2012, p. 33]. Полярные точки зрения при этом чередуются с сообщениями, мнениями, оценками представителей сторонних наблюдателей, новостных агентств, экспертов, которые в свою очередь могут направить читателей по определенному интерпретационному маршруту. Референциальные характеристики субъектов, кодирующих представителей разных сторон, вариативны и не обнаруживают

четких референциально-групповых корреляций, т. е. в каждой из групп обнаруживаются как референтные, так и нереферентные субъекты, представленные в конструкциях авторизации и деавторизации, которые сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Языковые маркеры объективного многостороннего отражения события в белорусскоязычной аналитической статье

Table 1

Language markers of an objective multilateral reflection of the event in a Belarusian-language analytical article

Стороны	Языковые маркеры выражения позиции сторон
Сторонники	<i>урад на чале з Біньямінам Нетаньяху адзначае, Нетаньяху сцвярджае, кіруючая кааліцыя назвала, міністр нацыянальнай бяспекі Ітамар Бен-Гвір адзначаў, заявіў прэм'ер, чалавек з кола прэм'ер-міністра Ізраіля пацвердзіў, чыноўнік казаў</i>
Противники	<i>праціўнікі рэформы лічаць, прэзідэнт Ізраіля Іцхак выступае супраць, сапернікі рэформы расцэньваюць, лідар ізраільскай апазіцыі і колішні прэм'ер-міністр Яір Ланід адзначаў, арганізатары пратэстаў заўважылі, сказаў дэпутат кнэсета Еаў Сегаловіч ад апазіцыйнай партыі «Еш Атыд»</i>
Третьи лица	<i>ізраільскі журналіст Павел Вігдорчык распавёў, наведаміла газета Haaretz, як адзначаюць эксперты, як піша The Times of Israel, наведаміла PIA «Навіны», заявіў эксперт па Ізраілі і Блізкім Усходзе Аляксандр Каргін, піша выданне ICE, як распавёў на сваёй старонцы ў «Фэйсбуку» ізраільскі журналіст Дзмітрый Дубаў</i>

При подобном многостороннем освещении события в сбалансированном виде без оценочных комментариев со стороны журналиста-повествователя в отношении разных позиций достигается объективность изложения, что служит одним из критериев достоверности текста. Однако не всегда многостороннее освещение события свидетельствует об объективности изложения. Рассмотрим на примере статьи «У Багдадзе дагэтуль неспакойна. Што адбываецца ў Іраку?» (Звезда, 16.04.2023) способы представления позиций разных сторон журналистом. В этой статье также обнаруживается три блока субъектных номинаций, которые сведены в таблицу 2.

Анализ употребления маркеров, содержащих разные субъектные номинации в составе конструкций авторизации и деавторизации, а также пропозиционального содержания высказываний с эксплицитно выраженными оценками, предположениями

Таблица 2

Языковые маркеры объективно-субъективного многостороннего отражения события
в белорусскоязычной аналитической статье

Table 2

Language markers of objective-subjective multilateral reflection of an event
in a Belarusian-language analytical article

Стороны	Языковые маркеры выражения позиции сторон	
Официальные лица и органы США	<i>ваенныя ЗША і іх саюзнікі лічаць; Буш-малодшы сцвярджаў; кіраўнік Белага дома перайшоў да адкрытых пагроз; дзяржсакратар ЗША Колін Паўэл на Савеце Бяспекі ААН заявіў; Паўэл расправёў; Пентагон публічна прызнаў; як меркавалі амерыканскія стратэгі; Вашынгтон і Лондан разлічвалі</i>	
Эксперты	лица	<i>канстатавалі эксперты; лічаць эксперты; Расійскі пастаянны прадстаўнік пры ААН Васіль Небензя заявіў; як адзначыў rt.com эксперт Міжнароднага інстытута гуманітарна-палітычных даследаванняў Уладзімір Брутэр; адзначыў эксперт; на словах Уладзіміра Брутэра; нагадаў аналітык; адзначыў rt.com кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі краін Блізкага і Сярэдняга Усходу Інстытута краін Азіі і Афрыкі МДУ Дзмітрый Жанціеў; на яго думку; аналагічнага пункту гледжання прытрымліваецца палітычны аглядальнік арабіст Вячаслаў Матузаў; у каментарыі rt.com ён растлумачыў; адзначыў Вячаслаў Матузаў; кажэ Дзмітрый Жанціеў; адзначаюць эксперты; як мяркую Вячаслаў Матузаў; эксперт называе; падкрэсліў Вячаслаў Матузаў; кажэ Уладзімір Брутэр; растлумачыў Уладзімір Брутэр; апублікавана ў дакладзе навукоўца-мікрабіёлага, саветніка міністэрства абароны Вялікабрытаніі на праблемах біялагічнай зброі Дэвіда Кэлі; вучоны прызнаўся</i>
	организации, документы	<i>паводле даных ААН; адзначае Euronews; некамерцыйная міжнародная арганізацыя Gallup International правяла апытанне; наведаміла «Бі-бі-сі»; падкрэслілі ў МЗС Расіі; гэтыя даныя прыведзены ў апублікаваным у Жэневе дакладзе Камітэта па гвалтоўных знікненнях ААН; як падкрэсліваецца ў дакуменце; наведаміла ТАСС</i>
Жители Ирака	<i>большасць іракаў лічаць; 29 працэнтаў апытаных лічаць; усё большая колькасць ірацкай моладзі, асабліва мужчын, якія жывуць у Багдадзе, бачаць; заўважыў адзін з удзельнікаў апытання</i>	

и прогнозами, позволяет утверждать, что подходы отобранных для статьи экспертов и мнение жителей Ирака совпадают, раскрыты подробно и находятся в более сильной коммуникативной позиции по отношению к тому, что сообщается от имени официальных лиц и органов США, которые, в свою очередь, представлены фрагментарно и являются коммуникативно более слабыми. Такой дискурсивный перевес может быть обусловлен разными причинами, в том числе субъективной позицией журналиста/издания, разделяющего экспертные данные и мнения жителей Ирака.

Заклучение

Подводя итог сказанному выше, представим наши наблюдения в отношении участия референциальных механизмов субъектных номинаций в реализации категории достоверности в англо- и белорусскоязычном медиадискурсе в виде рисунка 2.

Итак, в обеих медиакультурах референциальные характеристики субъектов оказывают непосредственное влияние на достоверность сообщения по параметру точности/неточности языковой номинации источников информации. В случае с референтным субъектом активизируется субкатегория точности при кодировании, предоставляется воз-

можность верификации сказанного источником, что способствует повышению достоверности сообщаемого; нереперентный субъект, соотносимый с неточностью и делигированной ответственностью журналиста на неопределенный или обобщенный субъект, как правило, снижает достоверность сообщения, либо оставляет его в статусе нейтрального (последнее имеет место при ссылке на исследование и общественно-историческую практику). Участие в реализации фактической и коммуникативной достоверности принимают референтные субъекты, которые являются авторитетами; нереперентные субъекты способствуют сохранению коммуникативной достоверности, если функционируют как псевдоавторитеты в силу семантики кодирующих их единиц, и не обеспечивают ни одну из разновидностей достоверности, если являются источниками с неизвестной репутацией (например, анонимными пользователями социальных сетей).

В обеих медиакультурах параметр объективности/субъективности демонстрирует отсутствие четких корреляций между референциальными типами субъекта и вариативностью достоверности. Тем не менее достоверность сообщаемого снижается в случаях использования журналистом оценочных лексических единиц для: а) характе-

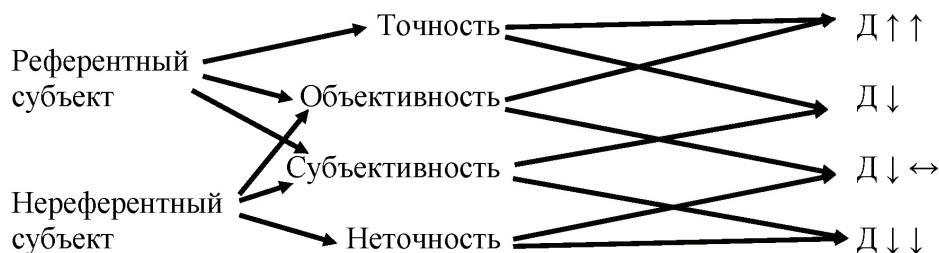

Рисунок 2 – Взаимосвязь референциальных характеристик субъектов и показателей достоверности (D) сообщения в англо- и белорусскоязычном медиадискурсе

Figure 2 – Interrelation of referential characteristics of subjects and indicators of reliability (D) of a message in English- and Belarusian-language media discourse

ризации как референтных, так и нереферентных субъектов – источников информации или их речемыслительных действий (встречается фрагментарно в аналитических статьях и комментариях); б) квалификации их утверждений, которые, как правило, имеют прогностический или интерпретирующий характер. Кроме того, учет параметра объективности / субъективности в современной англо- и белорусскоязычной прессе при подаче сведений обнаруживает: 1) тематическо-жанровую детерминацию, 2) отсутствие простых корреляций «одностороннее отражение – субъективность», «многостороннее освещение – объективность», 3) взаимопроникновение объективности и субъективности с учетом критерия полисубъектности. Одно-, двух- и многостороннее отражение события в сопоставляемых медиакультурах имеет субъективно-объективный характер вследствие: а) дуалистичной природы экспертного мнения при передаче неverified пропозиций; б) сочетания определенной интерпретационной свободы

адресата при выборе аргументов, с одной стороны, и заданного адресантом интерпретационного маршрута – с другой; в) более сильной коммуникативной позиции одной из сторон. Объективный характер изложения как критерий достоверности текста возможен при освещении события в сбалансированном виде: без дискурсивного перевеса в пользу одной из сторон и без оценочных комментариев со стороны журналиста-повествователя. Дальнейшие исследования проблемы видятся нам в русле включения в фокус научного интереса субкатегории информативности как еще одного параметра достоверности сообщаемого. Проблема достоверности информации в разных медиакультурах с учетом соотношения объективного и субъективного, точного и приблизительного при освещении событий представляется не просто актуальной и лингвистически перспективной, но и отчетливо прорисовывает междисциплинарные связи с другими гуманитарными науками: философией, логикой, журналистикой.

Материалы исследования

The Economist – *The Economist*. URL: <https://www.economist.com>.

The Guardian – *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/international>.

The Times – *The Times*. URL: <https://www.thetimes.co.uk>.

Звезда – *Звезда*. URL: <https://zvezda.by/be>.

Баташева 2020 – *Баташева А.А.* Лингвостилистические способы интерпретации медиасобытия в современном российском медиадискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2020. 178 с. URL: <https://diss.unn.ru/files/2020/1078/diss-Batasheva-1078.pdf>.

Панченко 2010 – *Панченко Н.Н.* Достоверность как коммуникативная категория: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 44 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01004918738.pdf.

Папченко 2022 – *Папченко М.Ю.* Достоверность рекламного текста в лингвопрагматическом аспекте (на материале немецкой печатной коммерческой рекламы): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2022. 181 с. URL: <https://istina.msu.ru/dissertations/504327548>.

Библиографический список

Flanagin, Winter, Metzger 2018 – *Flanagin A.J., Winter S., Metzger M.J.* Making sense of credibility in complex information environments: the role of message sidedness, information source, and thinking styles in credibility evaluation online // *Information, Communication & Society*. 2018. Vol. 23, issue 7. P. 1038–1056. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2018.1547411>.

Froehlich 2019 – *Froehlich Th.J.* The role of pseudo-cognitive authorities and self-deception in the dissemination of fake news // *Open Information Science*. 2019. № 3. P. 115–136. DOI: <https://doi.org/10.1515/opis-2019-0009>.

- Gibson, Jacobson 2018 – *Gibson C., Jacobson T.E.* Habits of Mind in an Uncertain Information World // *Reference and User Services Quarterly*. 2018. Vol. 57, no. 3. P. 183–192. DOI: <https://doi.org/10.5860/rusq.57.3.6603>.
- Gripsrud 2002 – *Gripsrud J.* Understanding media culture. London. 2002. 330 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=dFgyDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
- Haider, Sundin 2022 – *Haider J., Sundin O.* Paradoxes of media and information literacy. The crisis of information. London: Routledge, 2022. 174 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003163237>.
- Hall (2012) – *Hall S.B.* The Discourse of Protest: Using discourse analysis to identify speech acts in UK broadsheet newspapers // *Media@LSE*. 2012. P. 1–55.
- Kohring, Matthes 2007 – *Kohring M., Matthes J.* Trust in News Media: Development and Validation of a Multidimensional Scale // *Communication Research*. 2007. Vol. 34, № 2. P. 231–252. DOI: <https://doi.org/10.1177/0093650206298071>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jsbyrf>.
- Mukherjee, Weikum 2015 – *Mukherjee S., Weikum G.* Leveraging Joint Interactions for Credibility Analysis in News Communities // *Proceedings of the 24th ACM International on Conference on Information and Knowledge Management*. 2015. P. 353–362. DOI: <http://doi.org/10.1145/2806416.2806537>.
- Savollainen 2021 – *Savollainen, R.* Cognitive Authority as an Instance of Informational and Expert Power // *Libri*. 2021. Vol. 72, issue 1. P. 1–12. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/libri-2020-0128>.
- Асеев 2014 – *Асеев В.Г.* О соотношении субъективного и объективного // *Акмеология*. 2014. № 1. С. 16–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-subektivnogo-i-obektivnogo/viewer>.
- Дзюбенко 2023 – *Дзюбенко А.И.* Семизис в художественном тексте: достоверность и ирреальность // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2023. Т. 16, вып. 4. С. 1229–1235. URL: <https://www.gramota.net/articles/phil20230186.pdf>.
- Негрышев 2021 – *Негрышев А.А.* Достоверность новостного медиатекста: опыт макроструктурного анализа // *Медиалингвистика*. 2021. Т. 8, № 1. С. 4–22. DOI: <http://doi.org/10.21638/spbu22.2021.101>. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/28117/1/4-22.pdf>.

References

- Flanagin, Winter, Metzger 2018 – *Flanagin, A.J., Winter S., Metzger M. J.* (2018) Making sense of credibility in complex information environments: the role of message sidedness, information source, and thinking styles in credibility evaluation online. *Information, Communication & Society*, vol. 23, issue 7, pp. 1038–1056. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2018.1547411>.
- Froehlich 2019 – *Froehlich Th.J.* (2019) The role of pseudo-cognitive authorities and self-deception in the dissemination of fake news. *Open Information Science*, no. 3, pp. 115–136. DOI: <https://doi.org/10.1515/opis-2019-0009>.
- Gibson, Jacobson 2018 – *Gibson C., Jacobson T.E.* (2018) Habits of Mind in an Uncertain Information World. *Reference and User Services Quarterly*, vol. 57, no. 3, pp. 183–192. DOI: <https://doi.org/10.5860/rusq.57.3.6603>.
- Gripsrud 2002 – *Gripsrud J.* (2002) Understanding media culture. London, 330 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=dFgyDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
- Haider, Sundin 2022 – *Haider J., Sundin O.* (2022) Paradoxes of media and information literacy. The crisis of information. London, 174 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003163237>.
- Hall 2012 – *Hall S.B.* (2012) The Discourse of Protest: Using discourse analysis to identify speech acts in UK broadsheet newspapers. *Media@LSE*, pp. 1–55.
- Kohring, Matthes 2007 – *Kohring M., Matthes J.* (2007) Trust in News Media: Development and Validation of a Multidimensional Scale. *Communication Research*, vol. 34, no. 2, pp. 231–252. DOI: <https://doi.org/10.1177/0093650206298071>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jsbyrf>.
- Mukherjee, Weikum 2015 – *Mukherjee S., Weikum G.* (2015) Leveraging Joint Interactions for Credibility Analysis in News Communities. In: *Proceedings of the 24th ACM International on Conference on Information and Knowledge Management*, pp. 353–362. DOI: <http://doi.org/10.1145/2806416.2806537>.
- Savollainen 2021 – *Savollainen, R.* (2021) Cognitive Authority as an Instance of Informational and Expert Power. *Libri*, vol. 72, no. 1, pp. 1–12. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/libri-2020-0128>.
- Aseev 2014 – *Aseev V.G.* (2014) On the relation between subjective and objective. *Akmeologiya*, no. 1, pp. 16–24. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-subektivnogo-i-obektivnogo/viewer>. (In Russ.)
- Dzyubenko 2023 – *Dzyubenko A.I.* (2023) Semiosis in a literary text: Authenticity and irreality. *Philology. Theory & Practice*, vol. 16, no. 4, pp. 1229–1235. Available at: <https://www.gramota.net/articles/phil20230186.pdf>. (In Russ.)
- Negryshev 2021 – *Negryshev A.A.* (2021) The credibility of news media text: The experience of macrostructural analysis. *Media Linguistics*, vol. 8, no. 1, pp. 4–22. DOI: <http://doi.org/10.21638/spbu22.2021.101>. Available at: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/28117/1/4-22.pdf>. (In Russ.)